

весьма понятны народу. При чтеніи я выписывалъ въ особую тетрадь всё почему-либо поразившія меня или понравившіяся мѣста изъ нихъ, или такія, которыя, какъ мнѣ казалось, могутъ мнѣ когда-либо пригодиться въ проповѣди. Постепенно старался приучить себя къ живому слову, хотя это мнѣ и трудно давалось и дается. Для этого сначала произносилъ заученныя наизусть полученія, потомъ передавать сталъ содержаніе хорошо усвоенныхъ и наконецъ уже дерзнулъ говорить и „ex improvise“. Но еще разъ скажу, что трудно *теперь* учиться тому, чему нужно было научиться въ *семинаріи*. Еще замѣчаніе о проповѣдяхъ на политическія темы. Авторъ статьи, вызвавшей настоящую, совершенно вѣрно говоритъ, что для того, „чтобы проповѣдывать на современные темы, необходима своего рода политическая зрѣлость“. Это прежде всего, а съ другой стороны въ церкви Божіей, съ амвона, что мы должны дѣлать? *Жизнь земную* устроить или вести пасомыхъ на путь спасенія, готовить ихъ *къ жизни вѣчной*? Въ частныхъ бесѣдахъ пастырь, конечно, не можетъ и не долженъ оставлять своихъ пасомыхъ безъ наставленій, и въ этомъ отношеніи; но съ кафедры церковной должна произноситься одна лишь непреложная истина, а потому здѣсь едва-ли мѣсто политическимъ проповѣдямъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, когда молчаніе проповѣдника было-бы преступленіемъ.

Конечно, славнымъ и могущественнымъ средствомъ къ избѣжанію недостатковъ проповѣди для пастыря должна служить молитва горячая Упостасному Слову: „Господи, устнѣ мои отверзеши, и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою“.

Л у ч ш а я л е к ц і я.

Кіевскую Академію недавно покинулъ одинъ изъ лучшихъ ея профессоровъ, Алексѣй Афанасьевичъ Дмитревскій, профессоръ Литургики и Церковной Архелогіи. Какъ бывший слушатель его,

не могу не отдаться воспитаніямъ о томъ вліяніи, какое оказалъ на меня и нѣкоторыхъ моихъ товарищей по Академіи онъ своимъ участіемъ въ чтеніи на клиросѣ въ храмѣ Братскаго монастыря, гдѣ молятся студенты Кіевской Академіи. Конечно, и въ аудиторіи уважаемый Алексѣй Афанасьевичъ былъ одинъ изъ любимыхъ профессоровъ за свои лекціи по Литургикѣ. Но здѣсь онъ больше давалъ, пожалуй, уму, чѣмъ сердцу. Какъ профессоръ, стяжавшій себѣ имя въ Литургикѣ, онъ не разъ въ аудиторіи раскрывалъ предъ своими слушателями всю красоту Христіанскаго Богослуженія, его поэзію. Но его живое слово подтвердилось тогда, когда пришлось слышать чтеніе имъ на клиросѣ въ храмѣ — пѣснопѣній и молитвословій, анализируемыхъ имъ въ аудиторіи. — Здѣсь профессоръ своимъ чтеніемъ далъ сердцу то, что не изгладится на всю жизнь...

Это былъ въ Великій четвергъ на страстяхъ. Богослуженіе это само по себѣ даже при одномъ воспоминаніи о немъ будить молитвенно чувство. Глубокая поэтичность антифонныхъ пѣснопѣній этой службы до тѣхъ поръ, пока не пришлось ихъ слышать въ чтеніи профессора, какъ-бы не была извѣстна мнѣ, до сердца они не доходили. Обыкновенно, вниманіе больше отдавалось умилительну Воротниковскому „Разбойника благоразумнаго“... Придя въ лѣвый хоръ на клиросъ, гдѣ обыкновенно стояли и чтецы-студенты, я увидѣлъ профессора Алексѣя Афанасьевича. Послѣ чтенія 1-го Евангелія пропѣли первые стихи 1-го антифона. Раздавшееся чтеніе невольно заставило слушать... „Чувствія наша чиста Христови представимъ и, яко друзи его, души наша пожремъ его ради“... ясно, отчетливо, какъ-то особенно прочувствованно, задушевно читалъ профессоръ и его чтеніе такъ и ложилось на сердце, умъ ясно воспринимать каждое слово, каждую мысль, такъ выпукло встававшую въ устахъ чтеца... Въ храмѣ водворилась какая-то особенная тишина. Особенно выразительны были антитезы, которыми богаты пѣснопѣнія Страстей. „Лазарева ради востанія, Господи, осанна Тебѣ зваху дѣти еврейскія,

Человѣколюбче“, произнесъ повышеннымъ тономъ чтець... Коротенькая пауза. „Беззаконный-же Іуда не восхотѣ разумѣти“, тише заключилъ онъ. Какая мысль антитезы!!! Кроткій, любяжій, скорбящій объ Іудѣ Господь Спаситель и злой, хитрый Іуда-такъ и стояли предъ глазами при этомъ чтеніи въ слѣдующихъ стихахъ этого антифона. Чѣмъ дальше читаль чтець, тѣмъ сильнѣе овладѣвалъ вниманіемъ, раскрывая красоту антифоновъ. Вотъ онъ дошолъ до антифона 11 и 12. Здѣсь тоже антитезы: Спаситель и Еврей. „За благая, яже сотворилъ еси, Христе, роду еврейскому, распяти тя осудиша, оца и желчи напоивше тя“... Недовольные предательствомъ своего Благодѣтеля на позорную крестную казнь, стоятъ евреи у креста Христова и съ злой, ехидной улыбкой киваютъ своими головами, восклицая хулу и руганія Божественному Страдалцу. А Онъ какъ-бы такъ кротко, скорбно говоритъ имъ: „Людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ вамъ стужихъ? слѣпцы ваша просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ, мужа суща на одрѣ возставихъ. Людіе мои, что сотворихъ вамъ? и что ми воздаете? за манну желчь, за воду оцеть, за еже любити мя ко кресту пригвоздите...“ Слезы умиленія вызываетъ этотъ антифонъ всегда, когда читаешь его даже про себя, но при этомъ всегда воспоминается, какъ трогательно, задушевно читаль эти перлы Богослужебной поэзіи Алексѣй Аѳанасьевичъ... Такъ и слышится его проникновенное до сердца чтеніе. Оно осталось лучшей лекціей на всю жизнь. Невольно при этомъ думается о томъ сильномъ вліяніи на душу малящихся, какое должно оказывать чтеніе въ храмѣ, если оно совершается такъ тщательно истою, совершается чтецомъ, понимающимъ всю внутреннюю красоту читаемаго, его глубокой говорящей и уму и сердцу смыслъ. Въдъ не даромъ-же Православная Церковь посвящаетъ въ чтеца. Съ другой стороны, поэзія нашихъ Богослужебныхъ пѣснопѣній, молитвъ, псалмовъ и т. п. имѣеть такія красоты мысли, такія прочувствованная мѣста, что небрежное чтеніе ихъ — профанация

всего святаго, не говоря, что это грѣхъ предъ Богомъ. Вспоминая то вліяніе, которое неизгладимо создалъ своимъ чтеніемъ профессоръ Литургики, выполнившій въ этомъ свой долгъ учителя живымъ своимъ примѣромъ, хотѣлось бы, чтобы на это важное дѣло обратила свое особенное вниманіе наша духовная школа, семинарія, готовящая пастырей, на которыхъ долгъ заботиться о благолѣпномъ Богослуженіи. Нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ вѣкоторыхъ семинаріяхъ преподаватели Литургики и Гомилетики, на обязанности которыхъ лежитъ и наученіе хорошему чтенію въ храмѣ семинаристовъ, участвуютъ въ чтеніи на клиросѣ. Здѣсь они своимъ живымъ примѣромъ учатъ, что хорошій чтець на клиросѣ можетъ быть въ молящихся молитвенное чувство и въ этомъ какъ-бы является церковнымъ учителемъ. Вѣдь, недаромъ-же наши отцы церкви готовились къ пастырству въ клирѣ, въ которомъ, конечно, чтеніе за Богослуженіемъ было одной изъ первыхъ обязанностей. Примѣръ самого преподавателя-это лучшее условіе добраго вліянія на ученика. Особенно это нужно сказать о духовной школѣ, гдѣ каждый преподаватель не просто учитель своего предмета, но воспитатель будущаго пастыря. Преподаватель Литургики, науки о Богослуженіи, не выполнитъ своей задачи, если не заронитъ въ питомцѣ семинаріи любви къ участию въ чтеніи въ храмѣ. А этого достигъ, намъ кажется, можно прежде всего не словомъ, а дѣломъ, личнымъ примѣромъ. Н. Н.

**Окончаніе статьи „бывшаго Благочиннаго“ относительно
благочинническихъ сѣздовъ.**

Хотя въ статьѣ (№ 49 В. Еп. Вѣд. 1907 года) бывшаго Благочиннаго не было сказано, чтобы послѣдовало продолженіе ея; но считаемъ за долгъ высказать таковое; ибо тамъ, въ первой статьѣ, мы были, такъ сказать, только отрицательны, т. е. высказываясь спеціально по поводу бывшей статьи, отпечатанной